

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 930.85

«Лишние» люди советского общества в годы НЭПа (по материалам Пензенской губернии)

¹ Жгут С.А.,
¹ Пензенский государственный университет

Аннотация: статья посвящена вопросу лишения избирательных прав в годы НЭПа. Актуальность темы исследования обусловлена интересом к истории повседневности и практик социального выживания. Приводится историография вопроса, мнения научных авторов относительно сущности процесса лишения избирательных прав. Цель работы – раскрыть основные причины и последствия возникновения института лишения избирательных прав в постреволюционной России. Задачи исследования – провести анализ нормативно-правовых актов по теме исследования и привести конкретные примеры кейсов лишенцев на основе документов. Обзорно рассматривается нормативная база и правовое регулирование процесса лишения избирательных прав, в том числе путем анализа следующих документов: Конституция РСФСР 1918 года, инструкции ВЦИК, циркуляры НКВД и прочее. Рассказывается о социальных, политических и экономических последствиях лишения избирательных прав. На основе архивных данных по Пензенской Губернии приводится ряд дел по заявлениям лишенцев в избирательные комиссии о восстановлении избирательных прав, описываются фактические обстоятельства и раскрываются мнения непосредственных участников событий. Описываемые в статье кейсы лишения избирательных прав различаются по основаниям и результатам рассмотрения. Показана вариативность личного отношения лишенцев к своему правовому и социальному статусу.

Ключевые слова: новая экономическая политика, лишенцы, избирательные права, Конституция, ВЦИК, избирательная комиссия, списки, дискриминация, социальная группа, архивные документы

Для цитирования: Жгут С.А. «Лишние» люди советского общества в годы НЭПа (по материалам Пензенской губернии) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 5. С. 88 – 93.

Поступила в редакцию: 10 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 мая, 2025 г.; Принята к публикации: 1 июля 2025 г.

The «superfluous» people of Soviet society during the NEP years (based on the materials of the Penza Province)

¹ Zhgut S.A.,
¹ Penza State University

Abstract: the article is devoted to the issue of disenfranchisement during the NEP years. The relevance of the research topic is due to the interest in the history of everyday life and social survival practices. The historiography of the issue and the opinions of scientific authors on the essence of the process of disenfranchisement are given. The purpose of the work is to reveal the main causes and consequences of the institution of disenfranchisement in post-revolutionary Russia. The objectives of the study are to analyze the regulatory legal acts on the research topic and provide specific examples of cases of the deprived based on the documents. The regulatory framework and le-

gal regulation of the process of disenfranchisement are reviewed, including through the analysis of the following documents: the Constitution of the RSFSR of 1918, the instructions of the Central Executive Committee, circulars of the NKVD, and others. It describes the social, political and economic consequences of disenfranchisement. On the basis of archival data on the Penza Province, a number of cases are presented on applications from deprived persons to election commissions for the restoration of voting rights, the factual circumstances are described and the opinions of direct participants in the events are disclosed. The cases of disenfranchisement described in the article differ according to the grounds and results of consideration. The variability of the personal attitude of the deprived towards their legal and social status is shown.

Keywords: new economic policy, disenfranchisement, electoral rights, Constitution, Central Executive Committee, Election Commission, lists, discrimination, social group, archival documents

For citation: Zhgut S.A. *The «superfluous» people of Soviet society during the NEP years (based on the materials of the Penza Province).* Historical Bulletin. 2025. 8 (5). P. 88 – 93.

The article was submitted: March 10, 2025; Approved after reviewing: May 7, 2025; Accepted for publication: July 1, 2025.

Введение

После прихода к власти в октябре 1917 года, перед большевиками встал принципиальный вопрос сохранения власти. Власть советов находилась в условиях постоянной контрреволюционной угрозы, исходящей, в том числе, от сложившегося в царское время социального уклада. Сословия, веками включенные в социальную, политическую и экономическую жизнь государства, оказались после революции не просто не нужными советской власти, а враждебными по отношению к ней.

Точкой отсчёта для начала сложного процесса социальной стратификации общества, длившегося весь период существования советского государства, можно считать принятие Конституции РСФСР от 10.07.1918.

Глава первая Конституции установила, что Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Республиканская форма правления предполагает демократические выборы. Поэтому, один из шести разделов Конституции 1918 года был посвящен активному и пассивному избирательному праву [1].

Сложная, разветвленная система советской власти в центре и на местах требовала постоянного наполнения и ротации большим количеством должностных лиц. Большевики, в условиях политической «турбулентности» и гражданской войны, не стремились к экспериментам и предпочитали контролировать процесс выборов, путем фильтрации нелояльных социальных групп. Советская власть в основном законе сразу же обозначила социальные группы, которые являются основой и опорой для новой социальной, экономической и политической модели государства – рабочие, солдаты и крестьяне. Все остальные группы насе-

ния оказались «лишними» для советского государства.

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось по материалам Государственного архива Пензенской области, с использованием научной литературы по теме исследования. Основным методом исследования является сравнительный и правовой анализ архивных и нормативно-правовых источников.

Результаты и обсуждения

Валуев Д.В. в своем исследовании отметил, что большевики пошли по пути выстраивания модели «социальной справедливости», основанной в возвышении одних социальных групп и маргинализации других, путём ограничений, а подчас и физического уничтожения, неблагонадежных и «отсталых» групп населения (купечества, духовенства, дворянства, части интеллигенции, «неправильного» крестьянства и пр.) получивших общее название «лишенцы» [2, с. 13].

Причём, как указывает Федорова Н.А., если в годы гражданской войны такая политика реализовывалась посредством «красного террора», то после её окончания началось перекраивание общества с помощью социальных «ножниц» – лишение отдельных категорий лиц гражданских прав, в том числе и избирательных [3, с. 486].

Сам термин «лишенцы» сформировался после появления статьи 65 Конституции РСФСР 1918 года.

Основной закон советского государства существенным образом ограничил перечень лиц, которые могли избирать и не быть избранными. Следует перечислить основные категории лишенцев.

Во-первых, это лица, получающие прибыль от эксплуатации наёмного труда, а также граждане, доход которых, по мнению государства, не является трудовым (например, проценты от прибыли

предприятий, доходы от вложений, сдачи имущества в аренду и т.д.) В указанную категорию входят, прежде всего, предприниматели. Сюда же можно отнести лиц, задействованных в частной торговле и коммерции, в том числе выполняющие посреднические функции.

Во-вторых, избирательных прав были лишены священнослужители и монашество. Устранено всякое влияние церкви и религиозных культов на политическую жизнь общества.

В-третьих, права избирать и быть избранным лишились полицейские (в том числе агентура), жандармы и сотрудники охранных отделений. Аналогично закон распространял своё действие на членов бывшего правящего дома Романовых.

В четвертую категорию «лишенцев» можно выделить маргинальные слои общества, в том числе душевно больные людей, которым присвоен данный статус в соответствии с установленной законом процедурой. Осужденные в соответствии с законом преступники, которые совершили преступления по корыстному мотиву, либо порочащие деяния.

Можно заметить, что большинство критериев лишения активного и пассивного избирательного права в основе своей содержат социальный статус, непосредственно увязанный с родом деятельности граждан. Такой подход прямо указывает на то, что институт лишения избирательных прав являлся элементом политической борьбы и направлял электоральный процесс по пути четкого моделирования итоговых результатов.

Важным аспектом является тот факт, что закон имел обратную силу, то есть распространялся ретроспективно, на дореволюционное прошлое соответствующих лиц. Такой подход не позволял представителю какой-либо из «неблагонадежных» социальных категорий просто перейти на сторону большевиков и получить доступ ко всей полноте гражданских прав. Лишенцы, а также члены их семей, по умолчанию попадали в списки и ограничивались в избирательных правах. Только сложная административная процедура позволяла реабилитироваться перед советской властью.

Лишение избирательных прав происходило в соответствии с инструкциями о выборах ВЦИК, выпущенными в 1918 и в 1921 годах. В указанных документах не содержался развернутый порядок лишения избирательных прав, указывался только формальный перечень категорий лиц, указанный в Конституции РСФСР. Непосредственный порядок проведения выборов, а значит, и процедурные аспекты лишения избирательных прав, определялись в инструкциях на местном уровне. Разработку инструкций осуществляли губисполкомы. При этом,

местные органы власти получали широкий «простор» для деятельности, так как критерии для лишения избирательного права также определялись на местах. Красильников С.А. в своей монографии указывает, что в ряде регионов, согласно местным инструкциям, представителей интеллигенции лишали избирательных прав «за сочувствие контрреволюции» и т.п. [4, с. 56].

Рассмотрим порядок учёта лиц лишённых избирательных прав при выборах в советы всех уровней отраженный в «Инструкции о перевыборах городских и сельских советов и о созыве волостных, уездных и губернских съездов советов» утвержденной декретом ВЦИК от 31.08.1922 [5].

Избирательные комиссии на местах формировали, выверяли и публиковали списки лиц, которые были лишены избирательного права. Городские и сельские комиссии при составлении списков ориентировались на сведения, полученные от местного советов уровня. Составленные списки направлялись в вышестоящую избирательную комиссию, а также в совет соответствующего уровня. Списки также подлежали обязательной публикации в целях информирования населения. Списки лиц, лишённых избирательного права утверждались постановлением избирательной комиссии, срок на обжалование которого начинал течь с даты его опубликования и составлял 3 дня. Заинтересованное в обжаловании лицо должно было подать жалобу через избирательную комиссию, постановление которой обжаловалось. Орган, получивший жалобу, был обязан в течение суток направить жалобу по месту рассмотрения в надлежащий орган. Например, городской исполнительный комитет рассматривал жалобы на постановления городской избирательной комиссии. Публикация списков «лишенцев» проводилась не позднее чем за неделю до очередных перевыборов в соответствующий совет.

Лишение избирательных прав не только ограничивало в политических правах широкий круг лиц, но и существенно препятствовало социализации соответствующих категорий лиц и их родственников в рамках нового социального строя. Утрата работы, сопряженная невозможностью трудоустройства, ограничения по возможности служить в армии и получать образование в ВУЗах негативно влияли на взаимоотношения внутри советского общества. Статус «лишенца» представлял собой некое клеймо и привёл к формированию у «полноправной» части общества образа некоего «врага» советской власти. Для самих «лишенцев» их положение являлось серьёзным психологическим испытанием, когда отсутствие средств в

выживанию сочеталось с социальным давлением и порицанием, источником которых было субъективное восприятие властью их рода деятельности до революции.

Кожаева А.А. отмечает, что массовое сознание характеризовалось противоречивым сочетанием страха, утратить полноправный избирательный статус, и ощущением своеобразного социального реванша в отношении «бывших» [6, с. 32].

По мнению Климук Я.А. лишение избирательных прав являлось прологом к прямым массовым репрессиям. Хорошо поставленный учет и контроль над «лишенцами» позволяли без особого труда выявлять объекты для репрессий [7, с. 134].

Панкратова О.В. и Писанов С.С. отмечают, что лишение избирательных прав влекло за собой ощутимые экономические последствия в виде наложения непосильного налога, лишения государственного социального обеспечения и льгот. Таким образом, вопрос о восстановлении в избирательных правах был не просто политическим, это был вопрос о выживании [8, с. 52].

Саламатова М.А. указывает, что в городе лишенный избирательных прав при подаче заявления чаще всего заполнял анкету и представлял разные документы, доказывающие его правоту или характеризующие его с позитивной стороны. В сельской местности «лишенец» должен был предъявить документы, характеризующие его хозяйство. После этого на лишенного избирательных прав заводилось личное дело. Сначала заявление попадало в руки одного из членов комиссии. Если последний считал, что имеющиеся документы недостаточно полно характеризуют «лишенца» или его материальное положение, то в городе делали запросы в различные государственные и общественные организации, к которым «лишенец» имел отношение [9, с. 16].

В случае, если запрошенных сведений было недостаточно, избирательные комиссии прибегали к привлечению свидетельских показаний. После чего, дело формировалось и из его материалов производилась краткая выписка, в которой отражались причины лишения избирательных прав, указывался род занятий и социальный статус «лишенца», а также рекомендации комиссии. После чего дело передавалось для рассмотрения в избирательную комиссию соответствующего уровня, где принималось окончательное решение, либо о восстановлении в правах, либо об отказе.

Последним документом рассмотренного дела обычно становилась выписка из протокола заседания с указанием принятого решения, номера протокола и пункта повестки дня [9, с. 17].

Материалы Государственного архива Пензенс-

кой области сохранили большое количество документов касающихся лишения избирательных прав в период НЭПа. Рассмотрим, для примера, несколько случаев, найденных в фонде Р-2, описи №1, дело №2658в, в котором хранятся материалы перевыборов Пензенского Губисполкома в 1924-1925 годах [10].

1) Бывший волостной старшина Никифор Иванович Болдырев обратился в Керенскую уездную избирательную комиссию, с заявлением о восстановлении в избирательных правах. Никифор Иванович указал, что, несмотря на занимаемую им до революции должность, формально подпадающую под действие ст. 65 Конституции, к настоящему моменту он занимается исключительно сельским хозяйством и искупил своё прошлое службой в красной армии и потерей единственного сына.

Заключение Керенской уездной избирательной комиссии не позволило Никифору Ивановичу восстановиться в избирательных правах.

Как указывает председатель избирательной комиссии, Болдырев, хоть и пошёл в возрасте 55 лет на службу в красную армию, но сделал это в целях сохранения своего имущества и защиты себя от репрессий «под маской красноармейца». В этой связи, как политически неблагонадежный элемент, Болдырев Н.И. был лишён избирательных прав [10, с. 59-63].

Следует отметить, что в циркуляре НКВД №4 от 05.10.1922 разъясняется основной принцип, которым должны руководствоваться уполномоченные органы при решении вопроса о лишении избирательных прав: «лучше лишить избирательных прав, чем предоставлять эти права» [10, с. 39].

2) Лишение избирательных прав не всегда было связано с дореволюционным прошлым лишенца, бывали случаи, что обстоятельства для лишения возникали случайно.

В этой связи интерес представляет дело однофамильца предыдущего лишенца, Болдырева Василия Павловича.

Василий Павлович к 27 годам имел семью из 6 человек, из имущества – избу, лошадь и корову. С 1918 по 1921 год служил в красной армии, прошёл 9 месячное обучение грамотности в сельской школе, до и после революции занимался исключительно хлебопашеством.

Не обладая никакими предпосылками для лишения прав, Василий Павлович летом 1923 года вступил в деревенское общество верующих, на должность псаломщика (пел в хоре). Находился в этом статусе 2 месяца, после чего церковную службу бросил.

В ходе выборов 1924 года был исключен из списков лиц, имеющих избирательные права как представитель духовенства.

В своём заявлении о восстановлении избирательных прав, Василий Павлович высказывает сожаление относительно того, что вообще согласился стать псаломщиком и не представлял, какие проблемы это ему принесет. В качестве доказательства своей благонадёжности Василий Павлович приложил к заявлению документы из сельского общества с положительной характеристикой, а также письмо в адрес газеты «Красных пахарь» опубликованное в одном из номеров.

О том, какое решение было принято по заявлению Болдырева В.П. архивные документы сведений не содержат, однако из переписки уполномоченных органов следует, что в случае одобрения НКВД, Болдырев В.П. может быть восстановлен в избирательных правах автоматически, в ходе следующей избирательной кампании [10, с. 24-30].

3) Рядовые служащие дореволюционной полиции нередко включались в списки лишенцев, однако, как видно из документов, легко из них исключались, достаточно было положительной характеристики с нынешнего места работы.

Проживавший в г. Наровчате гражданин Тихомиров, служивший царской полиции с 1903 по 1908 года на технической должности в 1922 году был исключен из списка лиц лишённых избирательных прав, в связи с надлежащей службой с 1918 года в местном УФО и проявлением лояльности к советской власти.

Тем же документом, рабочий пожарной дружины Севостополев Иван Владимирович исключен из списков лиц лишённых избирательных прав ввиду краткосрочности (2 недели) службы в органах царской полиции и служебной благонадёжности в работе пожарным [10, с. 87].

4) Однако, бывали и случаи, когда формальная работа дореволюционных органах правопорядка создавала бывшим сотрудникам большие проблемы в послереволюционной жизни.

Филипп Андреевич Парамонов, выходец из крестьян, проживал в Наровчатском уезде, до революции работал в Полицейском управлении, чтобы свести концы с концами и прокормить пожилую мать. По словам Парамонова Ф.А., на службу в полицию он поступил без всякой сознательности к действовавшему строю. Незадолго до революции получил должность помощника пристава г. Пензы, что, по его мнению, фактически было работой «канцелярской крысы» – с бумагами и без какого-либо контакта с людьми. Между тем, несмотря на то, что сразу после революции он пошёл по профилю работать

в уголовный стол, он был лишён избирательных прав.

По признанию Филиппа Андреевича, выражая на службе полную лояльность советскому строю, он тяготился «пятном» лишенца. В этой связи в 1922 году, решением ЦИК, он был полностью восстановлен в избирательных правах.

Однако в 1924 году, по непонятным причинам, Парамонов Ф.А. снова был включен в списки лишенцев, что крайне его возмутило. После получения ответов в Наровчатском уездном исполнительном комитете с фразами «ничего не знаем», «это дело не наше», Филипп Андреевич решил написать письмо Калинину М.И., который на тот момент являлся председателем ВЦИК. Письмо лишенца не просто дошло до Калинина М.И., но и было направлено последним на новое рассмотрение в Губернскую избирательную комиссию.

Обращаясь с очередным заявлением в ГИК, Парамонов Ф.А. пишет: «мне к моему глубокому сожалению приходится быть каким то «отмежованным», что окончательно для меня является морально-политическим убийством, в то же время вредно отражаясь на моих детях, которые, так сказать по милости отца не могут быть в общественных организациях, как то в «пионерах» и таким образом моим детям наносят раны в их молодые сердца, которые горят желанием быть по своей сознательности людьми пролетарского государства и ему в будущем исключительную пользу, а не быть «пасынками»» [10, с. 80-84].

К сожалению, результат дела Парамонова в архиве не сохранился.

Выводы

На основе вышеизложенного можно прийти к выводу, что лишение избирательных прав в годы НЭПа происходило по умолчанию, в отношении категорий граждан с соответствующим дореволюционным прошлым. Лишение избирательных прав было не просто политическим ограничением, это был вопрос утраты доступа к социальным благам. Восстановление в правах и исключение из списка лишенцев часто носило казуальный характер, и во многом зависело от личной позиции членов избирательной комиссии. Сами лишенцы тяжело переживали наличие своего социального статуса и зачастую были вынуждены демонстрировать социально-одобряемое поведение в целях демонстрации лояльности к советской власти.

В дальнейших исследованиях необходимо рассмотреть статистическую сторону вопроса, для получения данных о динамике данного социального процесса.

Список источников

1. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.
2. Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918-1936 г. г.): на материалах Западного региона РСФСР: автореф. дис. ... канд. историч. наук. Брянск, 2003. 23 с.
3. Федорова Н.А. Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 4. С. 483 – 496.
4. Красильников С.А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.): учебное пособие. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1998. 91 с.
5. Декрет ВЦИК от 31.08.1922 «Инструкция о перевыборах городских и сельских советов и о созыве волостных, уездных и губернских съездов советов» // СУ РСФСР. 1922. № 56. Ст. 706.
6. Кожаева А.А. Речевые практики подражания официальному советскому дискурсу в письмах «лишенцев» во власть (1918-1936 годы) (на материалах Западной Сибири) // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 29 – 38.
7. Климук Я.А. Лишение крестьян избирательных прав как метод политики «Раскулачивания» (на материалах цхаф АК) // Известия АлтГУ. 2007. № 4-1. С. 131 – 135.
8. Панкратова О.Б., Писанов С.С. Политика лишения крестьянства избирательных прав в 20-е – 30-е годы XX века и ее последствия // Вестник КГУ. 2018. № 3. С. 52 – 55.
9. Саламатова М.С. Лишение избирательных прав как форма социально-политической дискриминации в середине 1920-х – 1936 гг.: на материалах Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. историч. наук. Новосибирск, 2002. 24 с.
10. Государственный архив Пензенской области фонде Р-2. Оп. №1. Д. №2658в. Л. 24-87.

References

1. Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets on July 10, 1918). SU RSFSR. 1918. No. 51. Article 582.
2. Valuev D.V. Disenfranchised in the System of Social Relations (1918-1936): Based on Materials from the Western Region of the RSFSR: Abstract of Cand. Sci. (History). Bryansk, 2003. 23 p.
3. Fedorova N.A. Disenfranchised of the 1920s: Soviet Estate of Outcasts. Journal of Social Policy Research. 2007. Vol. 5. No. 4. P. 483 – 496.
4. Krasilnikov S.A. At the Breaks in the Social Structure: Marginals in Post-Revolutionary Russian Society (1917 – Late 1930s): A Textbook. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 1998. 91 p.
5. Decree of the All-Russian Central Executive Committee of August 31, 1922 "Instructions on the Re-Elections of City and Village Councils and on the Convocation of Volost, District, and Provincial Congresses of Councils". SU RSFSR. 1922. No. 56. Art. 706.
6. Kozhaeva A.A. Speech Practices of Imitating the Official Soviet Discourse in Letters of the "Disenfranchised" to the Authorities (1918-1936) (Based on Materials from Western Siberia). Historical Courier. 2022. No. 6 (26). P. 29 – 38.
7. Klimuk Ya.A. Disenfranchisement of peasants as a method of the "Dispossession" policy (based on the materials of the AK tskhaf). Izvestiya Altai State University. 2007. No. 4-1. P. 131 – 135.
8. Pankratova O.B., Pisanov S.S. The policy of disenfranchising the peasantry in the 1920s – 1930s and its consequences. Vestnik KSU. 2018. No. 3. P. 52 – 55.
9. Salamatova M.S. Disenfranchisement as a form of socio-political discrimination in the mid-1920s – 1936: based on materials from Western Siberia: author's abstract. diss. ... cand. history. sciences. Novosibirsk, 2002. 24 p.
10. State Archives of the Penza Region, Fund R-2. Op. No. 1. D. No. 2658v. L. 24-87.

Информация об авторе

Жгут С.А., Пензенский государственный университет, s.zhgut@list.ru

© Жгут С.А., 2025